

О ТИПОЛОГИИ ФУНКЦИЙ СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕНОСОВ (ENJAMBEMENTS) В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В большой литературе о стихотворных переносах (enjambements) немало суждений по поводу функций этого приема в художественных произведениях. Однако суждения эти, как правило, имеют характер отдельных наблюдений, а предлагаемые учеными классификации основываются на разных критериях. Работ, посвященных типологии функций переносов, нет.

В настоящей статье выявляются основные подходы к интерпретации семантики переносов и предлагается типология их функций, основанная на осмыслении работ отечественных и зарубежных стиховедов, а также на собственных исследованиях автора. На основании частотности переносов выделяется три типа функций: общие (универсальные), частные, эксклюзивные – с последующей классификацией каждого типа.

В итоге рассмотрения названных функций делаются выводы о том, что: 1) все переносы имеют общие функции (повышение эмоциональности текста, логическое или эмоциональное выделение слова/словосочетания, маркирование изобразительного/выразительного начала слова); общие функции имеют универсальный характер; 2) частные функции свойственны не всем переносам; критерий их частотности важен, но не является единственным; создание переносов с теми или иными частными функциями зависит от характера произведения (его метода, жанра, стиля и т. п.) и индивидуальности стихотворца; 3) частные функции не вступают в противоречие с общими: конкретный перенос, обладая всеми тремя общими функциями, может выполнять определенные частные функции; 4) частные функции переносов в реальных текстах могут совмещаться; 5) перечень частных функций не исчерпывается нашим списком и может пополняться, в том числе за счет растиражированных эксклюзивных функций.

Ключевые слова: стиховедение, стихосложение, стихотворный синтаксис, стихотворный перенос (enjambement), функции стихотворного переноса.

В большой литературе о стихотворных переносах (enjambements, далее **enj**), насколько нам известно, нет обобщающих работ, посвященных функциям этого ритмико-синтаксического явления. В настоящей статье делается попытка обозначить основные подходы к интерпретации семантики переносов и предложить типологию функций, основанную на осмыслении работ отечественных и зарубежных стиховедов и на собственных исследованиях.

На наш взгляд, можно выделить три принципиально разных подхода к интерпретации семантики **enj**. Первый принадлежит Л.И. Тимофееву, который в своем фундаментальном труде «Очерки теории и истории русского стиха (1958) многократно подчеркивал, что переносы имеют «бесчисленные вариации» [1, с. 48, 123 и др.] и провозгласил методологически заостренный вывод: «Функция переносов <...> различна в зависимости от всего стихотворного контекста» [1, с. 396].

Второй подход к интерпретации семантики переносов можно увидеть у М.Л. Гаспарова, который привносит в вопрос о функциях количественный критерий, то есть связывает функции **enj** с их частотностью: «При редком

употреблении перенос служит резким выделительным средством повышенной эмоциональной напряженности (ритмический курсив), при частом – наоборот, средством создания небрежной разговорной интонации» [2, с. 274], [3, стб. 738].

Третьим подходом к интерпретации функций переносов мы считаем многочисленные попытки филологов выделить несколько наиболее значимых функций¹ и в том числе дифференцировать общие и частные функции **enj** с последующей классификацией тех и других.² Последнее представляется плодотворным, однако в настоящий момент критерии для дифференциации общих и частных функций и (особенно) их дальнейшие классификации во всех работах – разные.

Полагаем, что обозначенные три подхода в исследованиях **enj** могут быть вполне совместимы. Первый подход важен и ценен при анализе конкретных произведений или отдельных фраг-

¹ См. [4, с. 10–15], [5, с. 256–283], [6, с. 240, 244], [7, с. 209] и др.

² См., например, [8, с. 21–23], [9, с. 45–48], [10, с. 43–50] и др.

ментов текста, второй и третий – при анализе больших массивов переносов.

Остановимся на третьем подходе и рассмотрим вопрос о типологии функций **enj**. Мы считаем, что первая типология должна быть создана на основе критерия частотности функций (вопрос об эстетической ценности переносов в данном случае не учитывается). По этому критерию следует выделить три типа функций: 1) общие (универсальные); 2) частные (распространенные); 3) частные (эксклюзивные). Общие, или универсальные, функции – это те, которые имеют все без исключения переносы. К ним мы относим следующие функции:

- усиление эмоциональности текста;
- повышение семантической нагрузки (логической или эмоциональной) слов (или словосочетаний), попадающих в перенос;
- изобразительные и выразительные функции.

В приведенном перечне общих функций первая вытекает из самой, сегодня всем известной, природы стихотворной речи с ее «двойной сегментацией» (логико-синтаксической и ритмико-графической) и самой природы стихотворного переноса, возникающего в результате конфликта двух означенных сегментаций. Следствием этого конфликта является появление дополнительных пауз, создающих «экспрессивное членение высказывания» [8, с. 8], способствующих «повышению экспрессивности речи» [11, с. 218]. В качестве иллюстрации рассматриваемой функции мы в ранее опубликованной работе [9, 2003] приводили пример из октавы XXXV «Домика в Коломне», где Пушкин буквально демонстрирует эту функцию переноса: состояние взволнованной матери главной героини поэт сначала показывает с помощью механизма стихотворного переноса («<...> С паперти долой / Чуть-чуть моя старушка не слетела»³), а затем выражает состояние вербально: «В ней сердце билось, как перед бедой.»

Вторая общая функция – повышение семантической нагрузки слов, стоящих в переносе, так же, как и первая, определена природой стихотворной речи и природой переноса.

³ Здесь и далее слова, попадающие в перенос, подчеркнуты; курсивом маркированы слова, с которыми у оставленных или перенесенных слов образуется синтаксическая связь.

Ю.Н. Тынянов еще в 1924 году показал, что в стихе речь деформирована ритмом, за счет чего на строке возникает «выдвинутость слова» [12, с. 96]. Сегодня отечественные и зарубежные филологи единодушны во мнении, что переносы усиливают «обособленность слова», его «выпуклость», «выдвинутость».⁴ Именно поэтому переносы актуализируют эмоциональные и смысловые потенции текстов, в которых они функционируют. Фактически эта функция показана Тимофеевым [1, с. 85] на примере **enj** из стихотворения А. Пушкина «В Сибирь» (Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут – и свобода / *Вас примет* радостно у входа <...>) и Л. Лосевым [15, с. 208] на примере переноса из стихотворения И. Бродского «На столетие Анны Ахматовой» («Бог сохраняет все; особенно – слова / *прощенья* и любви, как собственный свой голос»). Для сосланных декабристов главный смысл был в обретении маркированной переносом свободы, для настоящего поэта главный смысл – в сохранении маркированного переносом дара слова. Как видим, концепты поэтов разных эпох – разные, а способ их выделения – одинаковый.⁵

По поводу третьей универсальной функции – изобразительной и выразительной – отметим следующее. Среди современных стиховедов, кажется, самым большим энтузиастом и разработчиком дифференциации изобразительных и выразительных функций **enj** является О.И. Федотов, давший образцы глубоких и тонких интерпретаций переносов Пушкина, Блока, Цветаевой, Пастернака, Заболоцкого именно под этим углом зрения.⁶ Мы в дифференциации изобразительных и выразительных функций следуем за О.И. Федотовым. Однако, в предлагаемой нами типологии отводим этим функциям другое место. О.И. Федотов считает изобразительные и выразительные функции «основными». Их появление, в частности, появление переносов выразительных, стиховед связывает с высокой частотностью («обильным употреблением») [6, с. 140]. Мы считаем изобразительные и выразительные функции не

⁴ См.: [12, с. 72–75], [1, с. 396], [8, с. 162–163], [13, р. 80–87], [14, р. 163] и др.

⁵ См. также интересный комментарий выделенных переносом слов в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», сделанный Б.В. Томашевским [16, с. 167–169].

⁶ См.: [6, с. 140–161].

«основными», а общими, универсальными, так как каждый перенос, независимо от частотности и эффективности, выполняет функцию либо изобразительную («И вдруг пред ними *на коне / Черкес*, <...>»), либо выразительную («Оставь меня; *но пожалей* / О скорбной *участи* моей»), либо обе сразу («Она вздыхала, *и не раз* / Слезами очи *наполнялись*») – все примеры из «Кавказского пленника» А. Пушкина) – в зависимости от лексического наполнения перенесенных или оставленных частей фразы.

Частные функции – это функции не выдерживающие критерия всеобщности, но функционирующие достаточно широко, как правило, уже отмеченные исследователями у тех или иных поэтов, в тех или иных произведениях. К частным мы относим функции:

- прозаизации;
- создания и/или усиления иронии;
- маркирования противопоставленных тем, образов-персонажей;
- индивидуализации речи персонажей;
- создания и/или усиления психологизма;
- композиционные функции;
- миметические функции.

В приведенном перечне самой распространенной является *функция прозаизации*, во всяком случае, ее отмечают большинство стиховедов при констатации фактов появления **enj** в художественном произведении. Под прозаизацией справедливо понимается «стилизация под прозаическую речь» [4, с. 10, 14], приближение языка лирического произведения к языку устной речи, разговорным интонациям» [17, с. 4]. Сегодня прозаизирующая функция **enj** отмечается у многих европейских и российских поэтов;⁷ у некоторых, как например, у Некрасова, она квалифицируется как самая важная [19, с. 84].⁸

Несмотря на широкое распространение функции прозаизации мы не можем ее отнести к числу названных выше общих (универсальных) функций, поскольку эффект прозаизации стиха

⁷ См., например: [18, с. 160], [19, с. 84], [20, с. 78], [7, с. 209] и др.

⁸ Функцию прозаизации: у стихотворного переноса решительно отклоняет Л.В. Зубова [21, с. 422]. Ее исследования языковых сдвигов в позиции **enj** М. Цветаевой отличаются глубиной и изяществом, но с отрицанием функции прозаизации переносов нам трудно согласиться.

возникает, по мнению ведущих стиховедов, при определенном скоплении переносов,⁹ тогда как в нашей типологии перечисленные выше общие функции – это функции любого, даже одиночного, переноса.

В списке частных функций вторая функция – *создание и/или усиление иронии* – по нашим наблюдениям, и менее распространена и – на сегодня – менее изучена. Однако филологам (и не только филологам) она знакома по кочующему примеру из пушкинского «Домика в Коломне» («В ней вкус был образованный. *Она / Читала* сочиненья Эмина»). В ранее опубликованной работе о переносах «Домика в Коломне» [9] в связи с констатацией рассматриваемой частной функцией мы писали, что она возникает за счет того, что углубленная переносом конечная пауза способствует «эффекту обманутого ожидания»: тезис, утвержденный в первой строке (как правило ироническую функцию имеет тип *contre-rejet*), опровергается тезисом второй строки. Virtuозно используя переносы, Пушкин иронизирует над литературными вкусами («В ней вкус был образованный. *Она / Читала* сочиненья Эмина»); высмеивает литературные штампы («<...> Сердце девы томной / Ей слышать было можно, *как оно* / В упругое *толкалось* полотно»), снижает ходульные и оттого фальшивые чувства («Об ней жалели в доме, *всех же боле* / *Кот Васька* <...>») и т. п. Переносы усиливают и ироническое отношение Пушкина к своим героям (старушке-матери, Параше, Маврушке).¹⁰ Г.А. Бокушева, исследуя функции переносов Н.А. Некрасова, указала на их роль в создании иронии в таких стихотворениях поэта как «Газетная», «Послание к другу (из-за границы)», «Княгиня», «Недавнее время». (См. [10, с. 75–76], [19, с. 84]).

*Функция маркирования контраста тем и образов*¹¹ – это та функция, с которой в от-

⁹ На этом настаивал еще в начале 60-х годов К.Ф. Тарановский [13]. Об этом, как мы уже отмечали, писал М.Л. Гаспаров [2]; [3], позднее – О.И. Федотов [6].

¹⁰ Из процитированных примеров с переносами первый и третий были приведены в монографии Л.И. Тимофеева [1, с. 47] для иллюстрации «иронического повествования» в «Домике в Коломне».

¹¹ При рассмотрении данной функции переносов здесь и далее мы объединяем маркировку тем и образов, руководствуясь двумя соображениями: 1) в теоретических исследованиях указывается, что «в эпике тематика ошутимее в персонажах и сюжетной структуре <...>»

естественном стиховедении началась глубокая интерпретация семантики переносов. Начало было положено В.Я. Брюсовым, который в книге «Мой Пушкин» (1929) обратил внимание на высокую частотность переносов в поэме «Медный всадник» и их большую концентрацию «в стихах, рассказывающих о Евгении» [23, с. 56–57]. Наблюдения Брюсова, поэта и стихотворца, были развиты в трудах стиховедов, показавших контраст двух ритмико-интонационных тем – темы Петра и темы Евгения – созданный рядом средств, в том числе – разной частотностью переносов. Поляризация образов Петра и Евгения (и тем Петра и Евгения) получила у стиховедов истолкование как поляризация составляющих большой проблемы, волновавшей Пушкина в последней поэме, – «государство – маленький человек».¹²

Подход наших замечательных предшественников мы попытались использовать при анализе функций **enj** в других поэмах Пушкина. Оказалось, что аналогичную маркировку переносами образов и тем поэт применил в поэмах «Бахчисарайский фонтан» и «Домик в Коломне» для поляризации проблем «Запад-Восток», «провинциальное-столичное» (см. [25], [26]).

Рассмотренная функция маркировки поляризации тем и образов в связи с последними может быть интерпретирована и как *характерологическая функция*. Рядом с этой функцией, но, понятно, совершенно отдельно мы помещаем функцию *индивидуализации речи персонажей*. В исследованиях **enj** эта функция предсказуемо была отмечена на материале драматических произведений. См. наблюдения Н.Е. Меднис и Г.А. Бокушевой над участием переносов в создании речевой индивидуализации персонажей в драме М. Лермонтова «Маскарад» [27, с. 19–20] и в пьесах Н. Некрасова «Юность Ломоносова», «Забракованные», «Сцены из лирической комедии «Медвежья охота» [10, с. 100–104]. Рассматриваемую функцию переносов исследователи выявляют также и в поэмах, включающих реплики, диалоги, монологи персонажей. См. анализ переносов Г.К. Волошиной при индивидуализации речи персонажей в поэмах

[22, с. 262]; 2) стиховеды при анализе переносов «Медного всадника» оперируют понятиями «тема», «образ», «герой» как близкими.

¹² См.: [1, с. 397–404], [24, с. 112–118], [6, с. 241–243].

Ю.Словацкого [28, с. 20]. Г.К. Волошина применяет статистику при указании на разницу частотностей **enj**, Г.А. Бокушева – при указании на разницу в частотности и структуре **enj**.

Функция создания и/или усиления психологизма определяется объемом понятия психологизм в литературе, включающим повышенное внимание писателя к изображению внутреннего мира человека с помощью специальных форм и приемов. Считаем, что об отмеченной функции **enj** можно говорить в двух случаях. Первый – когда в перенос попадает слово с семантикой переживания,¹³ как, например, в пушкинском «Моцарте и Сальери»:

А ныне – сам скажу – я ныне
Завистник. Я завидую, глубоко.
Мучительно завидую. – О небо!

За счет отмеченной выше «выпуклости», «выдвинутости» перенесенных слов с семантикой зависти («Завистник», «Мучительно завидую») в центре монолога рефлексировующего Сальери – его главная страсть и главное несчастье.

Второй случай возникновенья психологических функций переносов – когда за счет эмфатической паузы в конце строки создается психологический подтекст, восполняющий недосказанное в самом тексте. Показательной интерпретацией **enj** с функцией психологического подтекста можно считать краткие, но глубоко пронизательные замечания Б.В.Томашевского по поводу рассказа Софьи о ее сне в комедии Грибоедова «Горе от ума» («Позвольте ... видите ль ... сначала / Цветитый луг ...»). Эмфатические паузы до и после слова «сначала» квалифицируются ученым как «заминка», что позволяет ему, так сказать, заполнить эту заминку: «<...> Софья еще не знает, что именно ей сказать и подыскивает тему сна» [16, с. 169].

Вопрос о *композиционных функциях* переносов – это вопрос о распределении переносов в тексте произведения.¹⁴ Этот вопрос – простой

¹³ А.П. Скафтымов применительно к прозе писал о «вербальном обозначении чувств» как одной из форм психологизма [29, с. 175].

¹⁴ Иначе трактует композиционные функции Г.А. Левинтон. В большой статье, посвященной функциям переносов И. Бродского, он выделяет специальный раздел «Композиционные функции» [5, с. 278–283]. Эти функции, по мнению исследователя, состоят в том, что слова, попадающие в перенос, «образуют в данном

и одновременно сложный. Простой – потому что замечания по поводу скопления переносов в той или иной части произведения для стиховедческих работ можно считать традиционными. Сложный – потому что сам термин «композиционные функции» (по отношению к **enj** сравнительно недавно введенный в активное употребление) и объем понятия «композиционные функции» должен быть соотнесен с общим понятием «композиция произведения», имеющим несколько аспектов – в зависимости «от уровня (слоя) художественной формы» [30, с. 322]. По нашим наблюдениям, из всех аспектов композиционных функций наиболее разработанными оказались два аспекта – 1) участие **enj** в маркировании динамики сюжетного развертывания (скопление переносов в кульминационных моментах, в экспозиции или в финале произведения и т.п.); 2) участие **enj** в маркировании наиболее значимых фрагментов текста.¹⁵ Менее разработанными оказались аспекты, связанные со своеобразием системы образов (выделение одного персонажа, подчеркивание контраста двух персонажей и т.п.) и характером повествования (ретардация, смена ракурсов изображения, расширение пространства и т.п.).

Миметические функции мы ранее в своих работах не выделяли, теперь это делаем, следуя Г.А. Левинтону, который в статье, посвященной **enj** Бродского (Г.А. Левинтон пользуется аббревиатурой Е) назвал пушкинский строфический перенос «И задыхаясь на скамью // Упала...» «классическим примером миметического Е» [5, с. 258]. Поскольку миметический – это в переводе с английского (*mimetic*) – умеющий подражать, «подражательный», мы можем уверенно считать, что подобную функцию имеют переносы в тех случаях, когда их структура вместе с лексическим наполнением дают *имитацию* определенных физических состояний, передают пластику тех или иных движений в пространстве и во времени. Яркие примеры имитации резкого изменения физического и духовного состояния мы видим в строфических переносах типа **r** (подобных приведенному пушкинскому)

стихе ту или иную традиционную композиционную конструкцию, например, лексическое или морфенное кольцо, анафору, стык и т. п.» [5, с. 278].

¹⁵ См., например: [1, с. 397–404], [27, с. 15–16], [6, с. 245–252], [10, с. 94], [20, с. 78–79].

у М. Лермонтова в «Тамбовской казначейше» («Она на мужа посмотрела / И *бросила* ему в лицо / Свое венчальное кольцо – // *И в обморок*. <...>») и у Н. Некрасова в поэме «Мороз Красный нос» («Пошла, воротилась с иконой – / Большой уж безгласен лежал, / Одетый как в гроб, причащенный / Увидел жену, *просто-нап* // *И умер*. <...>»). Миметическую функцию имеют переносы, имитирующие полет птицы с быстрым перемещением в вертикальном пространстве (вниз-вверх): «Летала ласточка – *то вниз / То вверх* под каменный карниз / Кидалась с дивной быстротой <...>» («Боярин Орша» М. Лермонтова).¹⁶ Миметическими функциями, очевидно, следует назвать и специфические функции «затяжных» переносов, создающих, как мы уже отмечали [32], механизмами стиха эффект медленного движения, длительности во времени и протяженности в пространстве.

Эксклюзивные функции в соответствии с семантикой определения – это функции редкие, возникающие у переносов отдельных авторов или даже отдельных произведений. К числу эксклюзивных, очевидно, следует отнести некоторые функции **enj** позднего Бродского, выявленные Г.А. Левинтоном [5, с. 267–278] и А.Г. Степановым [33, с. 19–20], такие как функция маркирования интертекстуальных связей, автометоописательные функции и др. Как эксклюзивную можно квалифицировать функцию снижения ораторского пафоса, о которой применительно к стихотворениям Н. Некрасова писала Г.А. Бокушева [10, с. 80–81].

Одну из эксклюзивных функций мы представили в статье «О памяти стиховых формантов в поэзии Арсения Тарковского», в которой проанализировали переносы стихотворения «Как двадцать два года тому назад» (1963), созданные поэтом с явным воспроизведением структуры переносов М. Цветаевой с целью воскрешения памяти о Цветаевой-поэте [34].

Выделяя эксклюзивные функции **enj** в особую группу, мы должны все же констатировать относительность их разграничения с функциями другой группы (частные – частотные), рассмотренной выше. Перенос – это ритмико-синтаксический прием, который может быть по-

¹⁶ Данная функция была подробно рассмотрена в нашей статье, посвященной «полетным» переносам в русской поэзии [31].

вторен с любимым другим или близким лексическим наполнением. В связи с тиражированием приема статус эксклюзивных функций, понятно, изменится. Так, очевидно, «визитные» переносы, маркирующие появление героя в поэмах Пушкина [35], были эксклюзивными, но после повторения опыта Пушкина стали распространенными частными. Думается, что и пушкинский перенос «И, задыхаясь, на скамью // Упала... <...>» в момент его создания был эксклюзивным, но сегодня его уже таковым считать нельзя. Одновременно признание эксклюзивных функций означает и признание правомерности подхода Л.И. Тимофеева, утверждавшего, что функции переносов определяются всецело контекстом, и признание правомерности нашего заявления о целесообразности объединения разных подходов при интерпретации семантики **enj**.

Итак, следуя обозначенным подходам, можно сказанное по поводу типологии функций суммировать следующим образом.

1) Все переносы имеют общие функции (повышение эмоциональности текста, логическое или эмоциональное выделение слова/словосочетания, маркирование изобразительного/

выразительного начала слова); общие функции имеют универсальный характер.

2) Частные функции свойственны не всем переносам; критерий их частотности важен, но не являются единственным; создание **enj** с теми или иными частными функциями зависит от характера произведения (его метода, жанра, стиля и т.п.) и индивидуальности стихотворца.

3) Частные функции не вступают в противоречие с общими: конкретный **enj**, обладая всеми тремя общими функциями, может выполнять определенные частные функции.

4) Частные функции переносов в реальных текстах могут совмещаться.¹⁷

5) перечень частных функций не исчерпывается нашим списком и может пополняться, в том числе за счет растиражированных эксклюзивных функций.

12.05.2017

¹⁷ Функцию прозаизации: у стихотворного переноса решительно отклоняет Л.В.Зубова [21, с. 422]. Ее исследования языковых сдвигов в позиции **enj** М. Цветаевой отличаются глубиной и изяществом, но с отрицанием функции прозаизации переносов нам трудно согласиться.

Список литературы

1. Тимофеев, Л.И. Очерки теории и истории русского стиха / Л.И. Тимофеев. – М., 1958. – 415 с.
2. Гаспаров, М.Л. Перенос / М.Л. Гаспаров // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 274.
3. Гаспаров, М.Л. Перенос / М.Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – Стб. 738.
4. Лобанова, М.С. Синтаксическая характеристика стихового переноса (на материале рус. поэзии XVIII — первой пол. XIX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.С. Лобанова. – Л., 1981. – 24 с.
5. Левинтон, Г.А. Три разговора о любви, поэзии и (анти) государственной службе. II. От всего человека вам остается часть / речи: (три заметки о Бродском) / Г.А. Левинтон // Россия / Russia. – М.-Венеция, 1998. – С. 256–284.
6. Федотов, О.И. Основы русского стихосложения: метрика и ритмика / О.И. Федотов. – М.: Флинта, 1997. – 335 с.
7. Абишева, С.Д. Поэтическая система Б.Кенжеева: стих и стиль / С.Д. Абишева // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития. – СПб.: Филологический факультет СПбУ, 2010. – С. 205–214.
8. Лузина, Л.Г. Лингвистическая природа стихотворного переноса и его спипиестические функции (на материале английской поэзии XIX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Г. Лузина. – М., 1972. – 25 с.
9. Матяш, С.А. Стихотворный перенос в поэме А.С.Пушкина «Домик в Коломне» / С.А. Матяш, А.А. Сутормина // Третьи международные Измайловские чтения, посвященные 170-летию приезда в Оренбург А.С.Пушкина, 9–10 октября 2000. Материалы. – Ч.1. – Оренбург: ОГПУ, 2003. – С. 43–49.
10. Бокушева, Г.А. Стихотворный перенос (на материале поэзии Н.А.Некрасова): дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Бокушева. – Караганда, 2001. – 158 с.
11. Баевский, В.С. Синтаксический перенос (enjambement) от Шекспира до Бродского: Онтологический аргумент и статистические данные / В.С. Баевский, М.С. Новикова, И.В. Романова // Славянский стих. – VIII: Стих, язык, смысл. – М., 2009. – С. 218–232.
12. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка: статьи / Ю.Н. Тынянов. – Л., 1965. – 301 с.
13. Taranovsky, K. Some Problems of Enjambement in Slavic and Western European Verse / K. Taranovsky // JSLP (VII). – The Hague, 1963. – P. 80–87.
14. Golomb, H. Enjambement in Poetry: Language and verse in Interaction / H. Golomb. – The Poriev Institute for Poetics and Semiotics Tel Aviv University, 1979. – 343 p.
15. Лосев, Л. «На столетие Анны Ахматовой» (1989) / Л. Лосев // Как работает стихотворение Бродского: из исследований славистов на Западе. – М.: НЛЮ, 2002. – С. 202–222.
16. Томашевский, Б.В. Стих и язык: филологические очерки / Б.В. Томашевский. – М.; Л., 1959. – 471 с.
17. Ивлева, Т.А. Проблема стиля Б. Слуцкого и особенность его версификационной системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Ивлева. – М., 1992. – 26 с.

18. Гардзонио, С. Семантика стиха и проблема поэтического перевода: (на материале итальянской пушкинианы) / С. Гардзонио // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1996. – С. 156–163.
19. Бокушева, Г.А. Функции переносов в лирике Н.А. Некрасова / Г.А. Бокушева // Проблемы поэтики и стиховедения. – Ч.1. – Алматы, 2003. – С. 80–85.
20. Скулачева, Т.В. Поэтический перенос в текстах разного стиля (поэмы Байрона «Корсар» и «Лара») / Т.В. Скулачева // Проблемы поэтики и стиховедения: материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию АУ им. Абая и памяти профессора А.Л. Жовтиса. – Алматы, 2003. – Ч. 1. – С. 77–80.
21. Тамарченко, Н.Д. Тема / Н.Д. Тамарченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Intrada, 2008. – С. 262.
22. Брюсов, В.Я. Собрание сочинений: в семи томах / В.Я. Брюсов; подгот. текста и прмеч. К.В. Айвазяна, М.В. Васильева, Э.А. Полоцкой, Г.А. Тагосяна, Р.Л. Щербакова. – Т. 7. – М.: Худож. лит., 1975. – 528 с.
23. Холшевников, В.Е. Стиховедение и поэзия / В.Е. Холшевников. – Л., 1991. – 256 с.
24. Матяш, С.А. Структура и функции переносов (enjambement) в поэме А.С.Пушкина «Бахчисарайский фонтан» / С.А. Матяш // Онтология стиха / Памяти В.Е. Холшевникова. – СПб. – 2000. – С. 142–144.
25. Матяш, С.А. Опозиция «провинциальное-столичное в поэме Пушкина «Домик в Коломне» / С.А. Матяш.
26. Меднис, Н.Е. Стихотворная поэтика М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Е. Меднис. – Л., 1971. – 24 с.
27. Волошина, Г.К. Ритмико-синтаксическая структура романтических поэм Юлиуша Словацкого / Структурно-стилистический анализ переносов и повторов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.К. Волошина. – М., 1978. – 23 с.
28. Скафтымов
29. Чернец, Л.В. Аспекты композиции / Л.В. Чернец // Введение в литературоведение: учебное пособие / Под. ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш шк., 2004. – С. 322–339.
30. Матяш, С.А. О памяти стиховых формантов в поэзии Арсения Тарковского / С.А. Матяш // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): материалы Всероссийской науч. конф. с международным участием 12–14 марта 2014. – Череповец, 2014. – С. 78–84.
31. Матяш, С.А. «Затяжной» перенос в русском стихотворном эпосе / С.А. Матяш // Славянский стих. VII Лингвистика и структура стиха. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 206–219.

Сведения об авторе:

Матяш Светлана Алексеевна, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 11066, e-mail: kklksb@yandex.ru